

Игорь Шестков "В начале восьмидесятых"

В НАЧАЛЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

(отрывок)

В начале восьмидесятых... в странное время...

В 1981-м году мне исполнилось двадцать пять. Самое время задуматься над тем, как собственно хочешь прожить жизнь. Как и многие другие совки, я ужасно не любил размышлять на подобные темы, строить планы, ставить себе какую-то цель и брать преграды, а просто жил, справедливо полагая, что жизнь не имеет никакой цели, кроме самой себя, и что глупо поэтому тратить ее на нечто отвратительное – например, на делание карьеры в коммунистическом государстве, на обогащение, на возню с автомобилем или дачей и тому подобное. Я к тому времени уже заметил, что самые сладкие изюминки лежат себе, невостребованные, в придорожной канаве или в лесочке неподалеку, но озабоченное мнимыми проблемами, обезумевшее, тщеславное, жадное человеческое стадо несется и несется дальше по главной дороге смерти в погоне за призраками... осознал, что мне с ним не по пути.

Единственное активное действие, которое я бы совершил, если бы представилась возможность – это эмиграция на Запад. СССР был лживой и агрессивной общественной системой, граждане его, в подавляющем большинстве, были безнадежно испорчены советчиной. Жить в СССР было мерзко. Но возможности эмигрировать, как раз тогда, когда я наконец созрел для этого, у меня не было. В начале восьмидесятых ручеек эмиграции из СССР, и в конце семидесятых не сказать, чтобы полноводный, совсем обмелел. Подонки коммунисты и их послушное быдло – советский народ – добились того, что хотели, превратили свою страну в огромный лагерь, а самих себя в заключенных (и сейчас живущая под Путиным сволочь жаждет того же и, надеюсь, скоро получит).

СССР перегородил своей когтистой лапищей единственную дорожку, по которой я бы мог пойти. Освободил меня (как выяснилось – временно) от борьбы за выживание на новой родине. Все остальные, советские, пути я отмел сам.

Что же мне оставалось?

Не так уж мало! Рембрандт и Гойя, Пушкин и Гессе, Бах и Бенни Гудмен, улыбка милой девочки и душевная беседа с другом, галька в Пицунде и церкви Пскова... творчество... метафизика... любовь... и редкие, не испоганенные еще окончательно коммуниздией островки реального мира.

Так в чем же «странность» начала восьмидесятых?

В предчувствии свободы на дне советской ямы.

Рассудок наш не верил в скорые перемены, а «воздух», который мы ощущали не только легкими, но и кончиками пальцев... начал как бы вибрировать, изменяться.

В Москве было особенно трудно дышать из-за царившего в ней торжественного и торжествующего холуйства... а невидимый, недоступный коммунякам и гэбне эфир... дрожал... переливался новыми цветами... источал изысканные ароматы... и мы обоняли их чувствительными ноздрями и не падали духом... хотя и было от чего.

И вот... генсеки и другие зловещие старцы начали, один за другим, играть в ящик, а к концу восьмидесятых в темном зловонном царстве ватников и сапогов неожиданно повеял свежий ветер перемен... и сама собой открылась светлая сцена... а за ней – дорога в огромный, неизвестный нам, свободный мир...

И мы ушли по этой дороге, напевая чудную мелодию из «Серенады Солнечной Долины», ушли навсегда из подлой части планеты... И не жалеем об этом.

* * * * *

Ну что же, все здорово и хорошо?

К сожалению, не совсем. Последовательно и разумно было бы выкинуть из памяти все, что касается нашей советской жизни. И жить себе новой, американской, европейской или израильской жизнью, забыв о проклятом прошлом и стараясь не обращать внимание на набухающую и прыскающую гноем опухоль на востоке под названием путинская Россия.

Но, увы, мы не компьютеры, а люди, очистить диск мы не можем, и прожив двадцать или даже сорок лет на Западе, сделав или не сделав тут карьеру, купив

или не купив дом, посмотрев или не посмотрев полмира – мы все равно несем в себе родовое проклятие ленинщины-сталинщины-брежневщины, остаемся совками. И наше прошлое, зловеще прошуршав жестяными лопастями, обрушивается на наши седые или лысые головы неумолимым бумерангом. Командор-Сталин обнимает нас своими гранитными руками и утягивает в ад воспоминаний. И мы не властны что-то изменить...

Особенно больно это ощущать русским писателям-эмигрантам. Потому что почти все, что ты пережил, почти весь твой навоз, из которого только и растут цветы прозы – это твое советское до-бытие и другого, как ни старайся, как ни прилепись, ни присасывайся, ни мимикрируй, ни убеждай себя – если ты уехал после тридцати пяти – у тебя никогда не будет.

Добавочную боль причиняет нам затянувшееся на пятнадцать лет и грозящее продлиться неопределенно долго дежавю – постепенное возвращение советчины на нашей прародине. Возвращение в новой форме, соответствующей новым реальностям, но той самой, хорошо знакомой, ядовитой, жестокой, лживой. Бесчеловечной. Милитаристской.

Третья боль – это наш читатель. Заграничный русский читать нас не хочет, потому что он старается или догнать свою новую родину и читает по-немецки, по-английски... или понять нынешнюю Россию – и углубляется в Сорокина и Пелевина. Для оставшихся в России совков мы навсегда останемся «предателями». Сами уехали, а нас теперь учат. Для аборигенов – немцев, американцев, израильтян, мы чужаки, ничьи люди, пишущие о непонятном для них мире.

Поэтому мы пишем только для себя. Тела наши наслаждаются комфортом западной цивилизации, сладкими ее плодами, а неприкаянные души - бродят по безводной пустыне прошлого.

Слава богу, наши дети не умеют читать по-русски!